

подчеркивает другой аспект борьбы английского и латыни. Это была борьба за демократизацию письменной речи путем проникновения в нее элементов разговорного языка. Последнее положение иллюстрируется такими примерами, как употребление местоимения *its*, как возможность употреблять так называемые «contact-clauses» (стр. 191—193). Наряду с этим как пример противоположного направления — стремления ограничить литературный язык от обиходно-разговорного, приводятся весьма поучительные данные о работе Драйдена над своим текстом (стр. 199—202); работа эта очень явно направлена на «очищение» текста от разговорных конструкций (употребление предлога в конце предложения или словосочетания).

Что касается элементов, вытесненных из литературного языка, то они могут стать признаком социальных диалектов или превратиться в архаизмы, использоваться в определенных литературных жанрах. Здесь поставлен важный, принципиальный вопрос критериев грамматического архаизма. Непродуктивные модели, включающие небольшие лексические ряды, не являются архаизмами (например, сильные глаголы). Грамматическим архаизмом является одна из двух параллельных форм, одна из которых функционирует неограниченно, другая же — только в определенном стиле речи (например, *spoke — spake*). Грамматический архаизм может быть чисто структурным, когда при возникновении новой формы наряду с ней старая модель еще может употребляться, но это употребление уже имеет особый стилистический характер (*the house is building*). Интересна мысль, о том, что элементы, оставшиеся за пределами литературного языка, могут из локального плана перейти во временной (т. е. то, что было диалектизмом, воспринимается как архаизм) (стр. 220).

Автор уделяет особое внимание лондонскому кокней, который, по мнению ряда авторов, сохранил черты южного и мидлсекского диалектов в противоположность восточно-центральной направленности лондонского диалекта, легшего в основу литературного языка.

Очень существенно указание на необходимость различать в кокней старые элементы и новообразования. Грамматические особенности кокней (двойное отрицание, наречия без *~ly* и др.) свойственны и ряду современных территориальных диалектов. К новым чертам кокней относится произношение долгих гласных как дифтонгоидов; с другой стороны, мена *v/w* идет на убыль. Автор указывает на трудность в некоторых случаях установить отличие диалектизмов от архаизмов.

Полемизируя с Квирком относительно существования стандартного произношения в пределах нормы, В. Н. Ярцева указывает, что индивидуальные отклонения не нарушают общей картины. Вместе с тем, автор принимает положение Квирка о том, что «нормальный тип языка — это тот, который меньше всего обращает на себя внимание». На стр. 250 дается определение региональных вариантов как таких, которые обслуживают все те же сферы, что и литературный язык, в то время как местные диалекты функционально ограничены.

Книга «Развитие национальной английского литературного языка» — солидный, весьма интересный труд, в котором прослеживаются сложные, переплетающиеся факторы, участвовавшие в складывании нормы: это, с одной стороны, развитие национальной культуры, — в частности литературы и теории литературы, отражавших общий ход социально-экономической истории Англии; с другой — структурные языковые явления, их взаимодействие и взаимообусловленность. Автор последовательно держится в границах лишь строго необходимых экстралингвистических событий; но в этих пределах дает весьма обстоятельное их изложение. Внутряязыковые структурные явления иллюстрированы интересным фактическим материалом. Книга эта будет интересна и полезна не только для англистов, но и для историков любого языка, так как по охвату материала и диапазону проблематики она принадлежит к наиболее серьезным трудам такого рода.

И. П. Иванова

И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. — М., изд-во «Наука», 1969, 231 стр.

И. И. Ковтуновой в ее книге удалось ответить по крайней мере двум насущным потребностям нашей русистики, и в этом смысле книга имеет двойную ценность.

Прежде всего, здесь излагается разра-

ботанное автором понимание механизма словорасположения, действующего в современном русском литературном языке (этому посвящена первая, вводная, часть книги, стр. 3—65; несколько ранее она была опубликована в сб. «Русский язык.

Грамматические исследования», М., 1967). Потребность в построении соответствующей теории ощущается у нас давно. Появление в последнее десятилетие четырех монографий¹ и некоторого количества специальных работ, посвященных выяснению принципов русского словорасположения, не сняло необходимости в построении всеобъемлющей и непротиворечивой общей теории. Книга И. И. Ковтуновой — еще один шаг в этом направлении.

Однако если предшествующая традиция общей теории порядка слов давала возможность И. И. Ковтуновой опереться на некоторые достижения, то в области исторического изучения русского литературного языка оставался существенный пробел: русское словорасположение XVIII—XIX вв. специально не изучалось. Рецензируемая книга восполняет этот пробел, предлагая вниманию читателей описание основных процессов и изменений в области словорасположения в художественной литературе рассматриваемого периода (этому посвящены две последние части книги, стр. 66—99 и 100—216).

Разработка теории русского словорасположения происходит в последнее время в следующих основных направлениях: в плане теории В. Матезиуса об актуальном членении высказывания, в плане теории трансформации, порождающей грамматики и связанной с этим разработки приемов и принципов моделирования предложения². И. И. Ковтунова, как и ее предшественники по созданию трех из четырех названных монографий, идет по первому пути, внося в него некоторые свои поправки и уточнения.

В соответствии с теорией В. Матезиуса (которая оказалась чрезвычайно влиятельной как в русском, так и в чехословацком языкознании) И. И. Ковтунова исходит из того, что «каждое предложение» (стр. 10) при объективном словорасположении строится по принципу динамического нарастания — от темы к реме (от данного к новому). При субъективном словорасположении динамический рисунок меняется — имеет место динамический спад (от ремы к теме). Наблюдается и отсутствие такого движения — в нерасчлененных предложениях и внутри составов те-

мы и ремы (динамическое равновесие). Принимая эту схему, ставшую в работах последних лет аксиоматичной (заслугой И. И. Ковтуновой является усиление внимания к области динамического равновесия, о которой не всегда помнят исследователи), автор неизбежно встречается с целым рядом вопросов, которые невозможно обойти при построении общей теории.

Происходит ли актуальное членение на уровне синтаксиса предложения (к этому склоняется И. П. Распопов) или на ином уровне? И. И. Ковтунова определенно выводит актуальное членение из области, в которой происходит вычленение формул (моделей) предложения, в область речи, контекста, синтаксиса высказывания. «В речи... возникает новый аспект структуры предложения. Вне речи актуального членения не существует» (стр. 11). В то же время на стр. 12 допускается, что можно устанавливать состав темы и ремы, исходя из описания «системы языка», что, как видно, не согласуется с принимаемым описанием вне области синтаксиса предложения.

Мнение о несовпадении уровней синтаксиса предложения и синтаксиса высказывания следует признать справедливым, однако оно требует выяснения по крайней мере двух вопросов: 1) каждое ли предложение в речи подвергается актуальному членению или, иными словами, насколько универсален принцип актуального членения на уровне речи; 2) каковы природа и характер основных единиц актуального членения.

По первому вопросу в книге трудно найти определенную точку зрения. После цитированного утверждения на стр. 10 («каждое предложение») на стр. 11 говорится, что предложение в речи и контексте «может» дополнительно приобретать признаки актуального членения (приводимый в книге иллюстративный материал показывает, что И. И. Ковтунова как будто не склонна членить каждое «расчлененное» предложение текста). Это видимое противоречие небезразлично для теории, без его разрешения трудно характеризовать область актуального членения как особый уровень синтаксиса высказывания.

Второй вопрос решается в книге следующим образом. Принимаются термины «тема» и «рема», напомнимся о существовании других пар терминов — «данное» и «новое», «основа» и «ядро», «смысловый субъект» и «смысловый предикат» и некот. др. (стр. 10); при этом указывается, что «тема» и «рема» шире, чем «данное» и «новое», — бывает и так, что явственно членится предложение, где «данного» нет. Это замечание очень существенно для понимания принципов линейной организации высказывания — действительно, в любом тексте можно указать на многочисленные случаи, где «данного» нет, а

¹ И. П. Распопов, Актуальное членение предложения, Уфа, 1961; О. Б. Сиротинина, Порядок слов в русском языке, Саратов, 1965; П. Адамец, Порядок слов в современном русском языке, Praha, 1966; H. W. Schaller, Die Wortstellung im Russischen, München, 1966.

² Эти направления наглядно были представлены на VI Международном съезде славистов. См.: «VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze», Praha, 1968, стр. 38—43, 51, 150.

членение налицо (и таким образом последовательность «данное — новое» выступает лишь как частный случай организации текста; этот факт обычно проходит мимо внимания исследователей. При выявлении «данного» и «нового» нередко только то оказывается бесспорным, что устанавливается на фоне других конструктивных средств, например, противопоставления, сопоставления и пр. — и тем самым порядок слов лишь в качестве дополнительного языкового средства квалифицирует «данное» и «новое»). Не удовлетворяет лишь то, что в каждом случае членения выделяются тема и рема в качестве единиц членения, однако различительные признаки этих единиц не определяются, а априори задаются. Наши наблюдения показывают, что установить содержательную разницу между ними на уровне высказывания далеко не всегда удается с достаточной определенностью — нередки случаи, когда несомненный факт членения высказывания не сопровождается наличием явных различий обоих высказываемых частей и можно с уверенностью утверждать лишь то, что они вычленены.

Интересно посмотреть, как решается в книге вопрос, крайне существенный для всей теории актуального членения, — вопрос о взаимном соотношении и обусловленности единиц грамматико-синтаксического уровня и уровня актуального членения. Автор совершенно прав, утверждая, что, поскольку «в состав темы и ремы могут входить любые члены предложения, выраженные словами, принадлежащими к любой части речи и имеющими любое лексическое значение», то, «решая эту проблему, нельзя исходить из таких категорий, как члены предложения, части речи или слова, принадлежащие к отдельным семантическим группам» (стр. 11; а к такому описанию склонялись некоторые исследователи последних лет, например О. Б. Сиротинина). Действительно, строить описание по схеме: расположение подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, косвенного дополнения, обстоятельства времени, места, цели и т. д. — выраженного такой-то морфологической категорией — сейчас уже трудно: в противном случае возникло бы противоречие между признанием актуального членения универсальным явлением и дробным рассмотрением его проявления в предложении. Однако в некоторых случаях возникает ситуация, при которой собственно синтаксический уровень требует определенного расположения определенных членов и таким образом накладывает свои ограничения на осуществление принципов актуализации. Автор это хорошо понимает и показывает на материале, и не удивительно, что ему при установлении актуального членения приходится оперировать весьма неодинаковыми по объему синтаксическими едини-

цами — подлежащим, сказуемым, приглагольным членом (предложно-падежной группой), детерминантом (стр. 20). Эти единицы оказываются основными при взаимодействии с единицами актуального членения. При этом постоянно подчеркивается, что при акцентировании какого-либо члена (в составе темы) «актуальное членение нарушает иерархию синтаксического членения» (стр. 41), «актуальное членение рассекает члены предложения» (там же). Тем самым показывается сложное соотношение планов актуального и синтаксического членения предложения-высказывания (правда, здесь автор иногда противоречит себе: на стр. 26 утверждается, что «в тех случаях, когда актуальное членение возникает, оно противопоставляется синтаксическому»; на стр. же 23 говорится, хотя лишь в отношении предложения типа *Мой брат — учитель*, что оба членения могут сливаться и две единицы совпадают в одной — подлежащее с темой, сказуемое — с ремой).

Как же устанавливается реальный состав актуального членения? Какими приемами пользуется автор, чтобы установить, есть ли в высказывании членение и что именно служит темой и что ремой? Каковы основные принципы анализа материала? Оказывается, что, как и его предшественники, автор опирается, как правило, на интуитивное восприятие данного высказывания, не ставя перед собой задачу выработать строгие приемы, применимые для разных случаев, и указывая лишь, что «анализ актуального членения... оказывается чрезвычайно сложным» (стр. 26). Естественно, что многое в конкретных трактовках примеров оказывается спорным. Это касается примеров на стр. 34 (*В начале болезни она /помогла ребенку/ с а м ы м и р а з у м ы м и м е р а м и*), 39 (*Такую пронзительную морозную ясность/он // испытывал обычно во время боя*), 24 (*И вдруг: стичка/вспыхивала*), 17—18 (*В Витебск я приехал /к вечеру, Блогин проснулся на следующий день/с головной болью*) и др.³ В то же время авторская интуиция часто подкупает своим результатом — тонкостью наблюдения (ср. хотя бы примеры на стр. 41).

Знакомая с анализом случаев динамического равновесия, т. е. нерасчлененных комплексов, читатель узнает, что такой вариант линейной перспективы предложения зависит не от общей коммуникативной задачи высказывания, не от особенностей поведения единиц актуального членения, но от синтаксического состава предложения (причем свои коррективы вносит и морфологическое выражение

³ Надо заметить, что примененные издательством технические средства изображения актуального членения в примерах не всегда способствуют прояснению авторской мысли.

синтаксического члена). Именно, нерасчлененными оказываются группа «согласуемое определение + определяемое», «управляемый член с определительным значением + определяемое», «примыкающий член на -о + глагол, прилагательное или другое наречие», разные типы сложного и составного сказуемого, разные типы односоставных предложений, некоторые типы двусоставных предложений, составы темы и ремы. Представляется весьма важной сама поставленная задача — выяснить, для каких же конкретно категорий русского синтаксиса порядок слов оказывается лишь «сопроводительным элементом синтаксических отношений» (Ф. Данеш). Автор убедительно показывает, что в любом тексте существует «значительный процент предложений» (стр. 30), не подверженных актуальному членению. Этот вывод имеет принципиальное значение при ответе на поставленный выше вопрос относительно универсальности характера актуального членения. От себя добавим, что существуют не только нерасчлененные куски текста, но и целые категории текстов, обычно остающихся вне плана актуального членения (например, обычный текст научной статьи).

Все же один вопрос остается здесь нераскрытым. А именно — существует ли отношение переключивания между названными синтаксическими единицами, участвующими и не участвующими в актуальном членении? Иными словами, могут ли нерасчлененные предложения и комплексы стать расчлененными (при том же порядке слов) или здесь актуализация бессильна? И могут ли расчлененные предложения не подвергаться членению? Если могут, то принципиальное разведение тех и других по синтаксическим разрядам теряет видимый смысл при изучении актуального членения в аспекте понимания его природы как особого надсинтаксического уровня и сохраняет свое значение лишь для исследования частотности осуществления тех и других случаев. Автор допускает возможность членения для нерасчлененных комплексов. На стр. 33 постулируется правило: «если предложение не расчленено, то для него обязательен именно данный порядок слов», с тем примечанием, что при этом предложения с данным порядком слов могут быть расчленены. [Ср. также замечание на стр. 28: «Остальные случаи постпозиции прилагательного связаны с нарушением динамического равновесия (актуализацией) или с явлениями стилистического порядка (инверсией и имитацией разговорной речи...)]. Вряд ли автор полагает, что, например, в сочетании типа *свежая земля* препозиция прилагательного совершенно исключает возможность его актуализации при том же порядке, а постпозиция соответственно — возможность нерасчлененности. Ср. рас-

смотрение вариантов расположения прилагательного в первой трети XVIII в. на стр. 84—85. Постулируемому правилу как будто бы противоречит замечание на стр. 16: «В ряде случаев нерасчлененные предложения превращаются в расчлененные, но лишь с изменением порядка слов.» Думается, что актуальные членение оказываются все же достаточно универсальным средством организации высказывания, активно взаимодействуя с планом синтаксиса в случае осуществления поставленной коммуникативной задачи и не проявляясь в случае ее отсутствия. При этом оно охватывает самый различный синтаксический материал — и в том числе нерасчлененные предложения и комплексы.

Наиболее спорным и необъясненным представляется выделение инверсии как особого стилистического явления. Под инверсией понимается «стилистически значимый порядок слов» (стр. 42—43), «нарушение обычного порядка слов» (стр. 43)⁴, а под обычным, или нормальным, порядком слов таким образом — все остальные случаи как нерасчлененности, так и актуализации (здесь заметим, что, говоря на стр. 16 о превращении нерасчлененных предложений в расчлененные, И. И. Ковтунова связывает этот процесс с изменением порядка слов как с неизменным его условием; таким образом, «обычным» оказываются применительно к одному и тому же синтаксическому материалу оба диаметрально противоположных способа словорасположения). Стилистическая роль порядка слов, конечно, велика, однако непонятно, почему «при инверсии темы и ремы порядок слов в предложении приходит в противоречие с его актуальным членением» (стр. 43). Почему порядок слов при инверсии «перестает выполнять свою основную функцию» (там же)? Здесь автором не все объясняется до конца — ср. сделанное в начале книги замечание об инверсии, где она понимается по В. Матезиусу как «субъективный» порядок частей» (стр. 12; это же повторяется и на стр. 43), и замечание на стр. 28, где она прямо противопоставляется актуализации в противоречии с первым замечанием; ср. также и композиционное следование разделов книги. Думается, что вопрос стоит так: если мы отождествили инверсию с «субъективным порядком», то это должно означать, что она наряду с «объективным порядком» представляет собою одну из категорий актуального членения, осуществляемую в пределах этого уровня. Грубо говоря, инверсия тем самым оказывается частным случаем актуализации. Автор же одновременно с принятием этой посылки намечает тройное деление: ак-

⁴ См. также: И. И. Ковтунова, О понятии инверсии, сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965.

туализация — инверсия — стилизация, что оставляет читателя в недоумении.

Примеры инверсии, приводимые на стр. 47 и сл., далеко не всегда помогают уловить мысль автора об отличии инверсии от актуализации, как далеко не всегда позволяють они и квалифицировать однозначно тему и ремю. Ср.: *Много жъней погубло/ в это трудное переходное время от зимы к лету; Страшное волнение охватило/Арктика; Знакомое, давно не испытанное ощущение странной напряженной ясности/овладело Трубниковым* (в примерах сохраняется членение И. И. Ковтуновой). Даже если вернуться к термину «субъективный порядок», то и в этом случае квалифицировать первый член (условно) принимаем предлагаемое членение, хотя, как кажется, оно может быть иным) как ремю в примерах типа приведенных отнюдь не всегда можно с полной очевидностью; не помогает этой квалификации и постановка фразового ударения в начале высказывания — кстати, далеко не всегда отвечающая речевой действительности. Что касается разного рода случаев дислокации (стр. 54—56), то как раз здесь, как представляется, актуализация, т. е. членение высказывания на надсинтаксическом уровне, проявляется обычно наиболее ярко (ср.: *лежит шкура на боку; пахло в вагоне степной поляны и под.*). Автор же придает всем подобным случаям лишь собственно экспрессивно-стилистическое значение (стр. 55).

Здесь следует немного задержаться на принимаемом автором принципе взаимозаменяемости, взаимной компенсации порядка слов и логического ударения (стр. 35, 43). Этот принцип не всеобъемлющ. Примеры дислокации типа приведенных, как представляется, хорошо показывают, что оба эти средства могут, напротив, взаимно дополнять друг друга, совмещаясь и усиливая одно другое в пределах одного высказывания.

Говоря о словорасположении в разговорной речи, автор выводит эту область из общей системы литературного словорасположения, указывая, что здесь действует «иная система» (стр. 56). Это во многом справедливо; устный и письменный типы речи действительно накладывают ощутимый отпечаток на принципы словорасположения. И однако же различия здесь не столь основополагающие, чтобы препятствовать активному проникновению устно-разговорных схем словорасположения в письменную речь. Здесь они не только используются писателями для имитации диалога (стр. 62—63), в качестве сигналов внутренней речи (стр. 63), в качестве средства интимизации (там же), но и широко выступают, например, в языке газеты, утрачивая из-за своей массовости характер стилизации. Ср.: «Интерес к украинской науке был проявлен большой» (ВМ 17 I 70); «Интерес

к этим выступлениям огромный» (ВМ 15 I 70); «Подаются они в ствол автоматически» (там же) и т. д. Мы склонны даже отнести сюда и примеры дислокации типа приведенных автором на стр. 55—56 и 48.

Итак, различаются как бы три плана словорасположения: динамическое равновесие и актуализация, инверсия, порядок слов в разговорной речи. Остановимся на последнем. Какие же характеристики позволяют автору выделить его в особую систему? Это прежде всего то обстоятельство, что роль порядка слов как выразителя актуального членения в устной речи сводится к минимуму» (стр. 60—61); по принципу компенсации он уступает ее интонации и другим речевым и внелингвистическим средствам. При этом акцентулируемая часть имеет тенденцию к препозиции. Тем не менее автор рассматривает целый ряд «типизированных схем», возникающих при актуальном членении устной речи, а также в нерасчлененных комплексах. Действуя в данном случае в соответствии не с установленным им ранее принципом вычленения крупных синтаксических единиц (подлежащее, сказуемое и примыкающие к нему члены, детерминант) для соотношения с темой и ремой, а с принципом дробного синтаксического рассмотрения отдельных схем словорасположения, принятым для анализа нерасчлененных комплексов (что непонятно, так как анализ ведется и в плане актуального членения), автор указывает на тенденции к начальному положению ремы, а также подлежащего, к постпозиции прилагательного, препозиции управяемого существительного, препозиции инфинитива и именной части относительно глагола и некот. др., хотя и не признает за этими тенденциями характера нормы. Наблюдения автора, как правило, неизменно тонкие и верные, позволили ему достаточно точно охарактеризовать эти тенденции (отметим лишь, что не все примеры, считающиеся нерасчлененными, могут быть бесспорно признаны таковыми — ср. *Она дворником работает* и др., стр. 62; не убеждает и расстановка акцентов в некоторых случаях — ср. *Ручу ударила сильно*, там же). На наш взгляд, их можно было бы еще более обобщить и констатировать, что актуальное членение, не ослабляясь, а усиливаясь в разговорной речи, избирает в качестве способа своего выражения целый комплекс средств — и порядок слов, и интонацию, и др. (принцип компенсации вызывает сильные сомнения — напротив, эти средства, выступая в совокупности, усиливают друг друга) и проявляется прежде всего в более независимом, чем в письменной речи, оформлении обоих коммуникативных центров, расчленяемых и собственно синтаксическими средствами, и средствами порядка слов. При этом прин-

принцип ассоциативного присоединения, принимаемый И. И. Ковтуновой как основной, можно считать таковым лишь применительно к речи полностью раскованной, нетипизированной — заметим, что это не столь частый случай в условиях автоматизированного говорения. В остальном же наличие основной типизированной схемы (расчленение центров) перекрывает этот принцип.

Итак, актуальное членение получает в устно-разговорной речи специфическое воплощение, но выводить его за пределы того, что наблюдается в литературном языке в целом, вряд ли правомерно — в обоих случаях оно выражается средствами словорасположения, причем коренных различий в соответствующих приемах не наблюдается. Это опять-таки побуждает отнестись скептически к предлагаемому в книге троичному членению явлений словорасположения: сходные принципы актуализации действуют в разных сферах литературного языка, включая разговорную речь; они обнаруживают при этом некоторые, порой существенные, модификации; инверсия же вряд ли допускает выведение ее за пределы области актуального членения.

Мы намеренно остановились здесь более подробно на первой части книги, хотя по объему она не самая большая: при современном состоянии разработки явлений словорасположения представляется важным выяснить и заострить некоторые общие вопросы (исходя из этого построена и сама книга).

Последующие части книги представляют собой как бы самостоятельный очерк становления норм в русском словорасположении на протяжении столетия — от первой трети XVIII в. до первой трети XIX в. И. И. Ковтунова проводит свое исследование в соответствии с лучшими традициями изучения истории русского литературного языка, сложившимися в советском языкознании, и прежде всего в трудах акад. В. В. Виноградова. Намечается периодизация, связанная со сменой стилистических установлений эпохи, особое значение придается литературной деятельности выдающихся писателей. Учитывается роль старославянского, латинского, немецкого, а затем французского влияния на русское литературное словорасположение.

Здесь не представляется возможным хотя бы кратко передать содержание этого интересного и насыщенного фактами исследования. Скажем лишь вслед за автором, что в первой трети XVIII в. на фоне общей стилистической неупорядоченности литературного языка в литературных текстах отсутствовала возможность противопоставления экспрессивного нейтральному, не было строгой системы стилистических противопоставлений (стр. 84, 93—94 и др.). В связи с этим подробно рассмотрен-

ные автором способы словорасположения при динамическом равновесии и актуализации отличались высокой вариативностью. В области порядка слов была сильно развита омонимия; слова в предложении обычно располагались безотносительно к его актуальному членению. Сильны были требования ритма (стр. 90, 91 и др.). По поводу приводимого материала, характеризующего словорасположение в текстах первой трети XVIII в., заметим, что, как нам представляется, автор склонен уменьшать возможности актуализации высказывания и рассматривать вне ее многие случаи, которые при иной интерпретации могли бы считаться актуализированными (ср. примеры на стр. 79, 82; здесь вновь приходится сталкиваться с неразработанностью критериев установления реального членения текста). Одно мелкое замечание: непонятно, на каком основании на стр. 72 утверждается, что в церковнославянском наблюдалась свобода препозитивного и постпозитивного употребления прилагательных. В конце раздела (стр. 97—99) приводятся данные об отражении в памятниках «системы словорасположения устной речи», однако остается не ясным, чем же ее черты отличались от соответствующих черт книжной речи и по каким признакам тот или иной пример считается специфически устным.

Эпоха XVIII — первой трети XIX в. в целом характеризовалась процессами нормализации литературного словорасположения. Эта нормализация происходила прежде всего в пределах «эстетически значимых образцов литературной речи» (стр. 103), что позволило художественной речи сыграть здесь «решающую роль» (стр. 107). Таким образом, «проблема нормализации словорасположения» предстает в книге как «проблема исторической стилистики русского литературного языка (а не исторической грамматики)» (стр. 100; ср. также стр. 141). В соответствии с таким пониманием подробно освещаются процессы, связанные с теорией и практикой трех стилей и ролью Ломоносова (стр. 106—125; хотя у Ломоносова имело место закрепление определенных вариантов порядка слов в высоком слове, в целом проблема порядка слов не была им решена, поскольку повествовательные прозаические жанры не подверглись стилистической регламентации), с активизацией книжных черт порядка слов в середине XVIII в. (Тредиаковский, стр. 125—131), с реакцией против книжных форм словорасположения (Сумароков, стр. 131—137), с преобразованием среднего стиля, который должен был стать стилистически нейтральным (Фонвизин, стр. 142—151: повышение удельного веса нейтральных вариантов словорасположения; Карамзин, стр. 151—185: окончательная пивелировка среднего стиля и его распростране-

ние на все виды литературной речи, закрепление в качестве нормы нейтральных вариантов словорасположения, возникновение системы противопоставления стилистически нейтральных вариантов стилистически окрашенным, введение принципа соответствия порядка слов актуальному членению, создание нейтрального ритмико-интонационного фона литературного языка, замена тенденции к препозиции актуализируемых членов постпозитивной нормой, с возникновением в творчестве Пушкина новой стилистической системы противопоставлений, при которой становятся возможным индивидуально-стилистическое варьирование порядка слов и образование особых приемов построения текста (стр. 185—216).

Не будем злоупотреблять мелкими замечаниями по тексту, увлекательному и изыдному. Скажем лишь несколько слов о том, как понимается в книге вопрос о взаимодействии книжного и разговорного словорасположения. Система разговорного словорасположения как будто незримо присутствует где-то рядом, за пределами книги; создается впечатление, что ее специфика выявлена и известна автору, который употребляет относительно ее такие характеристики, как «естественность», «живость» и под., и считает возможным судить о степени проникновения «черт порядка слов разговорной речи» в художественную литературу в разные эпохи (при Ломоносове они стояли за ее пределами, ср. стр. 111, 120; у Сумарокова их отражение сильнее, ср. стр. 124, где приводятся и примеры; у Фонвизина они воспроизводятся в языке персонажей, ср. стр. 151; у Пушкина они «скупо разбросаны» в языке персонажей, ср. стр. 208—209; здесь также приводятся примеры). Перечисление собственно русских вариантов словорасположения для предшествующей эпохи (XVII в.) (стр. 218) также вызывает вопрос — можно ли доподлинно восстанавливать их лишь по признаку отражения в определенных жанрах письменности? Ведь самый факт вхождения в письменность должен быть связан с известной препарацией языкового материала⁵. Не случайно, что в приводимых в книге примерах «черт» разговорного словорасположения эти «черты» в их отличии от соответствующего книжного варианта, как правило, остаются неясными для читателя. Точно так же остаются неясными рассуждения об ин-

тонировании карамзинской фразы (стр. 175—176), носящие умозрительный характер.

Далеко не всегда убеждает, как и в первой части книги, разнесение материала по рубрикам «динамическое равновесие — актуализация» (см., например, стр. 200 и др.). Для докарамзинской эпохи актуализация почти целиком исключается. Чтобы понять авторский принцип, здесь следует остановиться на одном существенном вопросе, отчасти примыкающем к проблеме соотношения системы и нормы.

Как видно из изложенного, избранное столетие рассматривается автором в плане стилистическом. Автор передвигает рассмотрение проблем словорасположения из области установления линейно-динамической структуры текста, принимаемой для современного языка, в область эстетических задач, и особенностей художественной прозы. Для рассматриваемого периода это не случайно, поскольку это период становления литературной нормы словорасположения. Следовательно, по мысли автора, принципы словорасположения могут полностью быть осуществлены лишь в условиях окончательно сформировавшейся нормы. Если же она сложилась еще не полностью, то наибольшую важность при ее изучении имеют стилистические условия и особенности, определяющие собой процессы ее складывания. Тем самым автор избирает ретроспективный путь, проецируя черты современной нормы в прошлое. Не случайно на стр. 142, 167, 175 и др. читатель встретит такие оценочные выражения, как «естественные тенденции», «естественный порядок», «экспрессивная ценность», употребляемые применительно к материалу XVIII в. в сопоставлении с современным состоянием.

Если это так, то следует признать, что универсальность найденных в первой части книги принципов не всеобъемлюща для русского языка с его флективным строем. Думается все же, что значение сформулированных в теоретической части книги положений отнюдь не ограничивается современным этапом развития русского литературного языка. Установленные применительно к его системе, они, действительно, осуществляются в условиях известной нормы (стабильность которой, кстати, никак не приходится переоценивать), однако сохраняют свое значение для всех случаев функционирования данной системы и даже родственных систем. Поэтому и учение об актуальном членении одинаково значимо и для чешского, и для русского языков (и для других славянских), для их диалектов, для прошедших этапов их развития. Ведь система языка не обнаруживает такой подвижности, как норма. И проблема нормализации словорасположения предстает лишь как часть проблемы его исторического изучения, которое в этом смысле вполне может счи-

⁵ Потому-то и трудно без оговорок считать язык грамот и грамоток, частной переписки XVII—XVIII вв. «народно-разговорной речью» — ведь самый жанр произведения был связан со следованием прочным установившимся языковым канонам, сопровождавшимся употреблением большого числа синтаксических трафаретов, привычных формул, стереотипных зачинов и концовок и пр.

таться предметом исторической грамматики.

Высказанные соображения предположительно излагались здесь лишь в предварительном и дискуссионном порядке, исходя из общей недостаточной разработанности теории словорасположения и почти полного отсутствия исторических исследований. Исследователи современного словорасположения до сих пор не

могли судить о его истоках. Книга И. И. Ковтуновой существенно продвигает нас в первом направлении и восполняет пробелы второго. В этом ее неоценимое значение. Написана она просто и доходчиво; к сожалению, полиграфические ее качества оставляют желать лучшего.

О. А. Лаптева

Т. А. Бертагаева. Морфологическая структура слов в монгольских языках. М., изд-во «Наука», 1969, 184 стр.

Монография Т. А. Бертагаева, содержащая убедительное описание особенностей морфологической структуры слова в языках и диалектах монгольской группы, трактует вопросы фузии, символизации, аналитизма, внутренней флексии, вариантности основы, многозначности аффиксов в названных языках. В применении к монгольским языкам все это звучит почти парадоксально. Тем не менее, на основе характеристики строения, значения и функций общемонгольских словообразовательных и грамматических аффиксов, в работе совершенно по-новому ставятся проблемы типологии агглютинативных и флексивных языков, морфологической природы языков алтайской группы. Автор отходит от общепринятого мнения о том, что алтайские языки, в частности монгольские, относятся к чисто агглютинативным языкам, и доказывает, что агглютинация, аналитизм и флексивность переплетаются. Он утверждает, что монгольские языки столь же фузионны, сколь и агглютинативны, и что строй этих языков не определяется агглютинативностью или фузионностью, сингармонизмом или флексивностью, что аналитизм предполагает агглютинацию, агглютинация — фузию, фузия — чередование.

В качестве основного материала Т. А. Бертагаева пользуется данными разговорного языка и диалектов, в то время как прежде исследования монгольских языков проводились главным образом на материале письменных литературных языков и предположение отдавалось традиционному этимологическому принципу фиксации морфемного состава слова.

В гл. 1 «Основа и морфемы слова» (стр. 10—51) даны собственные определения всем компонентам слова и показаны те особенности, которые они имеют в монгольских языках. Очень четко разграничены понятия основы и корня: основа — единица синхронного среза, корень — диахронного, так как он этимологичен,

имеет тенденцию к инвариантности, тогда как основа обладает тенденцией к вариантности. Вряд ли следовало бы подразделять основы на пререляционные и реляционные — достаточно того, что на такие группы делаются аффиксы, которые, присоединяясь к основам, придают пререляционный или реляционный характер словам или словосочетаниям (см. стр. 19 и далее).

Здесь же проиллюстрировано большое разнообразие вариантов основ склонения. Эта особенность монгольских языков разбивает давно установившееся мнение о том, что корень в агглютинативных языках является самостоятельным словом. В главе дан также оригинальный обзор разнообразных аффиксов в монгольских языках — суффиксов, префиксоидов, инфиксов, комбинированных и нулевых форм аффиксов.

В последующих двух главах — «Фузия» (стр. 52—74) и «Символизация» (стр. 75—77) — автор на многочисленных примерах демонстрирует наличие всевозможных видов фузии, т. е. сплава функционально и структурно разных элементов слова (или слов). Он находит в монгольских языках фузию аффикса с аффиксом или с частией, служебного слова со служебным словом, основы с аффиксом, знаменательного слова со служебным словом, знаменательного слова со знаменательным же словом. Показано также, как полная фузия нередко переходит в «символизацию» (термин Т. А. Бертагаева); в ряде случаев сращение на морфологическом и на лексическом уровне достигает такой степени, что на месте спайки компонентов в результате фонетических изменений появляются качественно иные, чем первичные, звуки.

В гл. 4 «Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова» (стр. 78—86) автор попытался доказать, что нет основания преувеличивать роль сингармонизма в алтайских языках как прощадического средства и считать его «фун-